

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-6

Советская индология: положение в системе общественных наук

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2021). Советская индология: положение в системе общественных наук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 6. С. 117–138. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-6

Статья поступила в редакцию 24.08.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье в историко-проблемном плане рассматривается эволюция советской индологической науки в 1970–1980-х годах, т.е. в период ее творческого взлета. Автор показывает, как императивы советской внешней политики влияли на прогресс индологии как науки, на пространстве которой объединились яркие, масштабные личности, превратившие индологическое направление в одну из наиболее развитых дисциплин в системе общественных наук в СССР. На примере социально-экономических и историко-политических исследований продемонстрированы основные проблемные направления творческих поисков советских индологов, опиравшихся в своей профессиональной деятельности как на собственное понимание сложных проблем Индии, так и на достижения высокоразвитых общественных наук этой страны. В общих чертах обрисован кризис индологии второй половины 1980-х годов, выявлены его причины. Развитие индологии на этом отрезке отечественной истории анализируется на фоне процессов социально-политического разви-

тия в позднем СССР. Предложено авторское понимание факторов возвращения индологии ее высокого научного и общественно-политического статуса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индология, общественные науки в СССР, развитие науки и модернизация общества, ИСАА МГУ, Институт востоковедения, дореволюционная индология, советско-индийские отношения, политическая экономия Индии, политическая демократия Индии.

Простая истина: всякое явление можно по достоинству оценить только по прошествии определенного времени, т.е. ретроспективно. И правда, большое, не только в науке, видится на расстоянии. Мы с заметным опозданием начинаем понимать, что советская наука и образование классического типа позволяли решать нашему обществу не только текущие задачи жизнедеятельности, но и заглядывать за горизонт повседневной реальности, тем самым планировать будущее социума. В этой связи полезно вспомнить эпизоды не-

давнего прошлого. У части нашего общества, наиболее деятельные представители которой в результате позднесоветских жизненных метаморфоз были «вынесены» на лидирующие политические и экономические позиции, возник соблазн отказаться от наследия прошлого и, образно говоря, срубив «вишневый сад», двинуться в смутно представляемое будущее, опираясь исключительно на собственную интуицию. Однако, как известно, интуиция есть ступок накопленного опыта; и без этого опыта, постоянно и критически осмысливаемого, всякое движение, лишённое внятного *целеполагания*, неизбежно превращается в «бег на месте» [Володин, 2020, с. 50–51]. Столь же банальна констатация роли науки (и образования) как ведущей формы самосознания гражданского общества. «Революция троечников» [Володин, Широков, 2004, с. 2–5] предсказуемо нанесла трудновосполнимый урон нашей стране, многократно возрастающий вследствие включенности России в систему бескомпромиссного соперничества уже не только с «коллективным» Западом, но и с наращивающим положительную инерцию развития Востоком, в первую очередь с Тихоокеанской Азией.

Политические условия развития индологии в Советском Союзе

Россия, как известно, принадлежит к *классическим* обществам «позднего старта». Остальные участники данной когорты – Германия, Япония, Италия. При всей индивидуальной неповторимости национальных траекторий форсированной модернизации эти страны объединяла общая черта: здесь наука и образование выступали своеобразным «компенсатором» запоздалого развития индустриального общества, своей целенаправлен-

ной деятельностью приближая задержавшиеся на старте социумы к обществам – первопроходцам капитализма: Англии, Франции, США и проч. В странах второй волны модернизации общественные науки выполняли экзистенциальную функцию обобщения и критического осмысления опыта пионеров модернизации и остального мира. В Российской империи и Советском Союзе мировой опыт в его различных ипостасях использовался в практике ускоренной системной трансформации нашей страны. Насколько эффективны были наука и образование в СССР, свидетельствуют высказывания 35-го президента США Дж.Ф. Кеннеди: «Советское образование – лучшее в мире. Мы должны многое из него взять» и «СССР выиграл космическую гонку за школьной партией». В Советском Союзе процесс освоения «заморского» опыта, где значительную роль играло зарубежное страноведение, стал альфой и омегой государственного курса. После Октябрьской революции искренний интерес к Индии непротиворечиво соединился с представлениями В.И. Ленина и его сподвижников о центральной роли этой страны в национально-освободительных революциях, которые уже после окончания Второй мировой войны имели следствием демонтаж «великих» колониальных империй, в первую очередь британской. Большую роль в повышении интереса к «крупнейшей демократии мира» сыграла поездка в Индию советских руководителей Н.А. Булганина и Н.С. Хрущёва в конце 1955 г., корифей отечественной индологии Э.Н. Комаров называл ее «триумфальной»: «Впервые руководители великой державы не только посетили Индию, но и ездили по стране, выступали на массовых митингах. Уже само по себе это было внове и привлекало исключительное внимание, да и дружественные чувства и интерес к советской стране, издавна жившие в индийском национальном движении, сыграли свою роль,

когда представилась возможность увидеть воочию и услышать руководителей этой совершенно особой страны мира. На митинг в Калькутте вышли не менее одного миллиона человек (называлось даже 3 миллиона). Считали, что это был крупнейший митинг из когда-либо проводившихся в Индии, если не в мире вообще» [Комаров, 1998, с. 169].

Визит советских руководителей в Индию имел важные «организационные» последствия: 16 мая 1956 г. вышло постановление Совета Министров СССР «Об организации Института восточных языков» в составе Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (в настоящее время Институт стран Азии и Африки МГУ). (Мой учитель Григорий Григорьевич Котовский говорил, что Н.С. Хрущёв был так глубоко впечатлен своим визитом в Индию, что первоначально полагал целесообразным создание в МГУ «института индийских языков».) В то время в нашей стране интерес к Индии был столь глубоким и неподдельным, что в первый год приема в ИВЯ на индийское направление, по свидетельству известного журналиста и педагога Б.А. Калягина, было подано 80% заявлений абитуриентов. Впечатляюще выглядел и профессорско-преподавательский состав кафедры истории стран Южной Азии. В начале 1970-х годов здесь работали специалисты с международной репутацией: В.И. Павлов, Л.В. Шапошникова, Г.Г. Котовский, К.З. Ашрафян, Л.Р. Гордон-Полонская и другие индологи. Словом, задача пополнения квалифицированными кадрами научных институтов и практических учреждений решалась успешно.

Яркие представители поколения наших учителей нередко говорили о привилегированном положении индологии в системе общественных наук. В чем был смысл их аргументации? Первое: Индия – это *страна-цивилизация* с отсутствующим организационным центром для

всего социума. Индуизм, буддизм, сикхизм, ислам, джайнизм, христианство – эти и другие религиозно-культурные системы находились в состоянии непрерывной конкуренции еще со Средних веков, тем самым объективно создавая фундаментальные, цивилизационные основы плюрализма общественной жизни. Наблюдению исследователя, таким образом, открывался необъятный простор для научного воображения и творческого самовыражения. Второе: длительная интеллектуальная традиция Индостана, в период колониализма обогащенная западной общественной мыслью, предопределила высокий уровень развития общественных наук в стране, который задавал концептуальные параметры нашему научному поиску, иногда побуждал не соглашаться с индийскими авторами, чему последние были неизменно рады, ибо терпимость к инакомыслию была заложена в самой программе развития индийской цивилизации. Третье: *доверительный* характер двусторонних отношений («стратегическое союзничество» в эпоху Индиры Ганди) позволял «цеху» науки достаточно свободно, раскованно писать о нашем понимании проблем Индии с позиций «конструктивной критики» (как определял задачи индоведения П.В. Куцубин, отвечавший за «крупнейшую демократию мира» в международном отделе ЦК КПСС). И на самом деле, Э.Н. Комаров и А.И. Чичеров, родоначальники политологического направления в советской индологии, раскрепощенно анализировали внутренние проблемы Индии, попутно выполняя четкую установку «сверху»: не подвергать полемикам «атакам» Индиру Ганди, отношениями с ней дорожили Л.И. Брежнев и его коллеги. Впрочем, в реальной жизни это целеуказание было равносильно почти полной свободе творческого самовыражения на поле политической демократии при отсутствии таковой в Совет-

ском Союзе. Правда, здесь не обойтись без замечания обобщающего характера. Ведь положение развивающихся стран в международной системе, необходимость привлечь основную часть человечества на сторону «сил общественного прогресса», сложносоставной и не до конца понятный характер переходных обществ – эти и другие обстоятельства сыграли видную роль в превращении всего Института востоковедения в «головное» демократическое учреждение в системе Академии наук СССР, где свободомыслие было поставлено на *научную* основу.

Качественные характеристики советской индологии как системы социально-гуманитарного знания в конечном счете определялись эффективностью модели воспроизводства данного явления, органически соединявшей начала «университета» и «академии» на почве *классического* (фундаментального) образования, главными центрами которого были Москва и Ленинград (МГУ и ЛГУ). Между прочим, на восточном факультете ЛГУ не только изучали и преподавали все основные языки Индии, но с 1960-х годов выпускали востоковедов по специальности «История Индии». Одна из особенностей советской индологии состояла в том, что «академические» ее достижения эффективно «транслировались» в сферу практической деятельности.

В начале 1970-х годов советско-индийские отношения приобрели характер *стратегического союзничества*. Договор о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г. качественно расширял двусторонние отношения и на пространстве *культурной дипломатии*, создавая их несущие конструкции в виде постоянно развивавшейся инфраструктуры гуманитарных связей наших народов. В данной сфере деятельности активно и действительно работал Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами

(ССОД) (деятельность которого в Индии становилась все более энергичной и целенаправленной), на нескольких наиболее распространенных индийских языках (хинди, урду, бенгали, тамильский) вещало советское зарубежное радио, активно трудились Академия наук (прежде всего Институт востоковедения АН СССР) и высшие учебные заведения страны, занимавшиеся подготовкой кадров высшей квалификации как для углубленного изучения общества «крупнейшей демократии мира», так и для практической работы непосредственно в Дели и других городах Индии (Бомбее, Мадрасе, Калькутте, Тривандруме), где успешно функционировали центры советской науки и культуры. Идентификация «индолог» становилась символом общественной значимости и высокого дипломатического статуса.

При оценке политической эффективности советской индологии необходимо помнить: существовавшая в СССР система *классической востоковедной* подготовки кадров высшей квалификации (индология была ее наиболее «продвинутым» направлением) не имела, по признанию зарубежных коллег, аналогов в мире. Данная система позволяла использовать выпускаемых специалистов-индологов на широком пространстве жизнедеятельности общества, включая науку, дипломатию и разведку. (Само собой разумеется, подготовка востоковедов в СССР имела индивидуальный, «поштучный» характер.) Комплексное, классическое обучение позволяло молодым специалистам эффективно трудиться в сложносоставных/композитных обществах Востока, адекватно воспринимать сложные и противоречивые процессы общественно-политического развития Индии, что было жизненно важно для сотрудников советских загранучреждений, включая представителей средств массовой информации в Дели и других городах этой

страны. Словом, Индия прочно занимала центральное (наряду с Америкой, Западной Европой, Китаем) место в иерархии внешнеполитических приоритетов СССР. Стоит напомнить, что советская политическая линия, основанная на «классической» профессиональной подготовке ее исполнителей, импортировала брахманам и представителям других «высококастовых» кластеров общества, устами которых говорил Индийский национальный конгресс, старейшая партия страны.

Советское государство немало делало для обеспечения современной интеллектуальной инфраструктуры развития индологии. Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, где располагалась главная библиотека академии, в достаточном объеме получал исследовательскую литературу, выходящую в самой Индии, а также в США и Западной Европе и освещающую проблемы истории, экономики и политики в обществе «крупнейшей демократии мира». Доступ к академическим публикациям мы получали почти в режиме реального времени. В данном случае решающую роль, как представляется, сыграл так называемый *субъективный фактор*.

В 1980 г. на работу в ИНИОН из Института востоковедения перешел опытный индолог Альберт Григорьевич Бельский. В ИВ АН СССР он занимался проблемами эволюции идейных течений *традиционалистского* толка, прежде всего «индусским национализмом» (это идеология ныне правящей Бхаратия джаната парти). Скорее всего, у А.Г. Бельского в «родном» отделе общетеоретических проблем развития ИВ АН СССР личные и профессиональные отношения складывались непросто. Зато для нас, индологов, этот переход стал без преувеличения «сказочным подарком». Зав. отделом Востока ИНИОН АН СССР Софья Иосифовна Куз-

нецова, автор до сих пор не превзойденной африканистами-урбанистами монографии «Социальная структура африканского города» [Кузнецова, 1972], тотчас же «посадила» (профессиональный жаргон академии тех лет) желанного «перебежчика» на индийскую тематику, а сам А.Г. Бельский неожиданно для многих индологов стал нашим новым «работодателем». В то время ИНИОН находился на особом положении: совместительство внутри Академии наук категорически не приветствовалось, однако штатные сотрудники были не в состоянии обработать тот колоссальный объем научной (книжной, журнальной, газетной) информации, который поступал в институт благодаря «заботе партии и правительства» [Виноградов, 2005, с. 282–284]. Реферативные журналы, издаваемые ИНИОН, пользовались огромным спросом, их содержание жадно поглощалось и работниками академических институтов, и преподавателями высших учебных заведений на трансконтинентальных просторах Советского Союза. Иными словами, мы «присваивали себе ум чужой» без всяких на то усилий. ИНИОН снабжал жизненно важной информацией и президиум Академии наук, и «директивные инстанции» (ЦК КПСС, Совет Министров, МИД СССР и т.п.), за что институт и его директор В.А. Виноградов были на хорошем счету в политических «верхах».

Вернемся, однако, к индологии и индологам. В Институте востоковедения трудились поистине незаурядные личности, наделенные не только аналитическим талантом, но и весьма оригинальным способом его выражения. Так, Эрик Наумович Комаров, мой непосредственный начальник, разделял научный процесс на две стадии: *усилия* (сбор материала) и *переживания* (печатная продукция). Человек недожизненной физической силы и исключительной

природной одаренности, Э.Н. Комаров относился к себе с изрядной долей юмора, нередко называл себя «покорным слугой» (при коммуникации с зарубежными коллегами эта форма самовыражения выглядела как *my humble self*). При общении с подчиненными Э.Н. Комаров, встречая возражения научного порядка, имел обыкновение говорить: «Начальство надо любить». Автору этих строк не раз приходилось на себе испытывать всю мощь полемиического темперамента Э.Н. Комарова, неиссякаемый напор его творческой природы и жизненной энергии. (Предостерегая автора против конфронтационного подхода к отношениям с «начальством», Тамара Филипповна Девяткина, познавшая все премудрости политики социального компромисса в исполнении Индийского национального конгресса [Девяткина, 1970], как-то «по секрету» заговорщицески сообщила, что в отрочестве, пришедшемся на годы войны, Э.Н. Комаров работал подручным кузнеца...). Непременным элементом «человеческого измерения» индологии были отношения наших руководителей Г.Г. Котовского (Гбича, как мы, недоросли, называли Г.Г.) и Э.Н. Комарова, которые автору чем-то напоминают творческое взаимодействие главных героев «Театрального романа» М.А. Булгакова. Продолжая линию исторических аналогий, позволю себе заметить, что Г.Г. Котовский не уставал повторять: «Мы – страна Гоголя и Салтыкова-Щедрина». (Известно, что М.А. Булгаков считал свое творчество продолжением «щедринской» линии в русской литературе.) Наделенные природой утонченным чувством юмора наши руководители относились и друг к другу с легкой иронией, что в коллективе четко фиксировалось, а затем пересказывалось (с обязательными художественными добавлениями) тем, кто не присутствовал при данном «истори-

ческом» событии. Так, после трагической гибели Индиры Ганди 31 октября 1984 г. Э.Н. Комаров робко предположил, что убийство премьер-министра Индии не обошлось без участия Центрального разведывательного управления США. На что Г.Г. Котовский прореагировал с едва уловимым сарказмом: «Эрик, мы же взрослые люди». (К слову сказать, уже в постсоветский период, в 1998 г., накануне празднования 75-летия Г.Г. Котовского автор обратился к юбиляру с просьбой дать возможность поздравить Учителя, на что получил истинно «гоголевский» ответ: «Вы не сможете совладать с собой и начнете меня передразнивать, а они не поймут». Видимо, риторическая фигура «они» обозначала В.А. Виноградова, с кем Г.Г. Котовский долгое время сотрудничал в Национальном комитете историков СССР. В.А. Виноградов некогда в Институте востоковедения не работал и, следовательно, не был посвящен в наши внутренние «порядки».) Неудивительно поэтому, что работа спорилась. Индология в ее различных ипостасях рассматривалась в Академии наук как одна из наиболее развитых отраслей социально-гуманитарного знания.

Советская индология: основные направления и подходы

Высоко оценивалось качество отечественных индологических исследований и за рубежом. Так, видный голландский социолог, действительный член Королевской нидерландской академии наук Ян Бремман ставил в пример своим студентам в Амстердамском университете работы по экономике Индии и промышленной революции на Востоке Глория Кузьмича Широкова [Широков, 1981]. Выдающиеся социологи Сьюзан и Ллойд

Рудольфы из Чикагского университета ценили «неортодоксальные» подходы к социальной структуре индийского общества, содержащиеся в научных сочинениях Г.Г. Котовского [Котовский, 1959] и Виктора Георгиевича Растяникова [Растяников, 1973]. Бывший премьер-министр Индии (2004–2014) д-р Манмохан Сингх не раз интересовался мнением Г.К. Широкова и Г.Г. Котовского о процессах в социально-экономической структуре Индии. Подобный список можно продолжать до бесконечности. Так в чем же причина столь высокой оценки труда советских индологов? Самый общий ответ: зарубежные коллеги полагали уровень анализа высоким, а выводы – оригинальными и достоверными. Действительно, анализ сложной совокупности экономических, политических и социокультурных процессов в столь разнообразном и *поляризованном* обществе предполагал не только знание сложно противоречивой индийской реальности, но и творческое «манипулирование» общетеоретическими представлениями о *многоукладном* обществе, включенном в жесткие условия международного общения. Отнюдь не случайно многие индологи (Лев Игоревич Рейснер, Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская, Алексей Иванович Левковский) впоследствии возглавили исследовательские направления, занятые проблемами развития стран Востока как общности, отличной от Запада [Левковский, 1963; Рейснер, Широков, 1966; Рейснер, Широков, 1969].

Не исключено, что автор субъективен в оценке уровня зрелости индологии в *досоветский* период. Однако трудно оспаривать факт наличия нескольких значительных в дореволюционной России личностей – исследователей, путешественников, ученых, художников, мыслителей, – которые своей активной деятельностью значительно сблизили наши цивилизации, фактически заложили солидный фундамент разви-

тия индологии в послеоктябрьский период. Систематическое знакомство русского общества с «загадочной» Индией началось, как известно, с путешествия тверского купца Афанасия Никитина (1466–1472), проложившего *континентальный* маршрут в эту землю на 30 лет раньше, чем португальский мореход Васко да Гама сумел найти свой путь в «страну пряностей» (1497–1498). Впоследствии в XVII в. русские цари посылали в Индию свои посольства, которым, однако, не удалось достичь конкретных результатов. Первым российским исследователем Индии, «первым русским индологом» принято считать Герасима Лебедева (1749–1817), который находился в «стране чудес» 12 лет, с 1785 по 1797 г. Начало систематическому изучению Индии в России было, таким образом, положено. Индия всерьез занимала умы российских просветителей и демократов XVIII–XIX вв. Крупнейший русский индолог XIX в. Иван Павлович Минаев (1840–1890) пользовался авторитетом среди зарубежных специалистов благодаря исследованиям буддизма и древнеиндийских языков. В 70–80-х годах XIX в. И.П. Минаев трижды посещал Индию; ученый проявлял живой интерес и к современным проблемам страны – «жемчужины» Британской империи. На рубеже веков «духовный мост» Индия – Россия активно строили видные деятели нашей страны: художники В.В. Верещагин и Н.К. Рерих, военачальник и исследователь колониальной Индии А.Е. Снесарев, выдающийся бактериолог В.А. Хавкин, видный буддолог и «непременный секретарь» (главный ученый секретарь) Академии наук С.Ф. Ольденбург. Так закладывались основы современной индологии.

Советская индология неисчерпаема. Вычленив и описать все ее направления практически невозможно. Автор позволил себе ограничиться *двумя* сюжетами – проблематикой **полити-**

ческой экономики (точнее, *политической экономики развития*, как называют данный раздел социального знания наши индийские и западные коллеги) и тематикой **политической демократии** (формулировка Э.Н. Комарова представляется наиболее жизненной и точной [Комаров, 1998]).

Для индологов поколения наших учителей центральной проблемой развития Индии после 1947 г. была правильная оценка достигнутого накануне независимости уровня социально-экономического развития страны. Точное определение этого уровня, а равно и состояния социально-экономической структуры индийского общества позволяло безошибочно определять характер и социальное содержание государственного курса страны, его основные направления. Данная проблематика стала на долгие годы объектом пристального внимания Алексея Ивановича Левковского и Владимира Ивановича Павлова. Расхождение во мнениях имело место, хотя различие оценок в научной печати практически не обсуждалось. Суть дела была в том, что авторы по-разному оценивали достигнутый ко времени суверенитета уровень развития капитализма в Индии. Если А.И. Левковский (имевший, кстати, два образования – экономическое и историческое) утверждал, что к 1947 г. Индия достигла определенной зрелости капиталистических отношений, позволявшей стране в исторической перспективе влиться в когорту *среднеразвитых* стран, то В.И. Павлов подчеркивал *поляризованный* характер индийского постколониального общества, полагая, что, воспроизводясь на расширенной социально-демографической основе, дуализм социума не имеет тенденции к «сглаживанию» [Левковский, 1963; Павлов, 1973]. Смысл этого творческого соперничества, в содержание которого мы были посвящены уже в студенческие годы, состоял,

очевидно, в том, что каждая из вышеприведенных точек зрения имела свою «проекцию» в сферы экономических и политических отношений, по-своему четко описывала реальные «экзистенциальные» проблемы, стоявшие перед Индией. Загадкой, правда, оставалась обобщенная «проекция» теории многоукладности, разработанная А.И. Левковским для Индии и других развивающихся стран на основе ленинских идей о неравномерности развития капитализма в России [Зарубежный Восток и современность, 1980, т. 1, с. 21–35]. Не без влияния творческого диспута с А.И. Левковским В.И. Павлов разработал собственную концепцию «стадиально-формационной характеристики восточных обществ в новое время», где анализ индийской действительности играл системообразующую роль [Жуков, Барг, Черняк, Павлов, 1979].

«Парадигма Павлова» опиралась на представление об *асинхронности* всемирно-исторического процесса, которая одновременно фиксировала различие траекторий «западной» и «восточной» моделей экономической и социальной эволюции [Жуков, Барг, Черняк, Павлов, 1979, с. 173–329]. Автор обращал внимание на роль *естественно-географической* среды как на влиятельный фактор «стационарного» развития индийского и других восточных докапиталистических обществ. Взаимоотношения природы и общества в конечном счете влияли на систему общественных отношений, они в известной степени предопределили жесткость, слабую подверженность переменам законов межличностного общения и нормативов социальной активности. Для сельской экономики Индии было характерно доминирование системы *распределения* и подчиненность ей и ее законам сферы обмена, выступавшей элементом *прото-рыночных* отношений: «Система распределения обеспечивала важнейшие вос-

производственные, социальные и идеологические функции общества, поддерживала его социально-классовую структуру и ее пропорции. Сфера обмена удовлетворяла более или менее случайные индивидуальные запросы потребительского свойства, т.е. не была императивной и универсальной в смысле регулирования общественного организма» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов, 1979, с. 205]. Многоукладность представляла как совокупность докапиталистических форм производства. В отличие от феодального общества Северо-Западной Европы, в Индии и других позднесредневековых оседлых обществах Востока изобиловала рабочая сила и преобладали благоприятные (т.е. не требующие изменений) естественные условия труда. Таким образом, внутренние интенции к преобразованию веками существовавшей социальной и культурной среды *ненасильственно* подавлялись самим восточным обществом, что превращало траекторию развития социума в «стационарную» и в итоге сделало последнее по существу беззащитным против военно-политической экспансии западных держав. В то же время внутренние войны объективно избавляли восточные общества от демографического балласта и «прессинга».

«Скоростной режим» исторического процесса в Англии и Индии, например, отличался значительными различиями: «стремительность» противостояла застойности. Архаичные общности типа касты и общины эффективно блокировали становление частноправовых принципов в развитии поземельных отношений. Развитие «человека современного», социального носителя идей гражданского общества, таким образом, становилось делом трудно обозримой исторической перспективы. Города, в которых в Индии времени поздних Моголов проживало около пятой части населения, были скорее «хра-

нителами традиции», чем «катализаторами перемен». Сословие горожан так и не конституировалось в социально-политическую целостность, а система городского управления (в европейском понимании) в доколониальный период так и не сформировалась. Сам же город не стал *субъектом* экономического и политического процесса. От себя добавим: процесс превращения Индостана в Индию, т.е. в экономико-политическую общность, логично связывать с британским колониальным управлением. Системообразующие «компоненты капиталистической формации, за редким исключением, не переносились <в Индию и другие восточные общества> по субъективному желанию, а на месте не возникали – ни стихийно, ни тем более целенаправленно. Поэтому пути к спонтанному и системному становлению капитализма перекрывались» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов, 1979, с. 313]. Соответственно, новые, капиталистические морально-этические и поведенческие нормативы, не имевшие для своего функционирования адекватного социально-классового материала, не могли быть выработаны. Четыре-пять столетий, отпущенные «просвещенной» Европе на генезис капитализма, в Индии отсутствовали.

Циркуляция идей внутри индологического сообщества, имевшая постоянный и интенсивный характер, создавала своеобразную духовно-интеллектуальную среду, «продуктами» которой пользовались и специалисты других отраслей востоковедного знания. Сами же индологи вели непрерывные творческие дискуссии, их участники не делились на «классиков» и «современников». Сам В.И. Павлов высоко оценивал работы Александра Петровича Колонтаева, посвященные современной Индии, но имевшие очевидные методологические истоки в колониальной и даже в доколониальной Индии.

Так, идеи В.И. Павлова о недостаточности формационных предпосылок для полноценного развития капитализма в Индии в период суверенитета значительно обогатил А.П. Колонтаев в работах, посвященных эволюции низших форм производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии [Колонтаев, 1975] и особенностях развития производительных сил Индии в период независимости [Колонтаев, 1988]. Выяснение причин рассогласованности развития отдельных сегментов хозяйственного организма независимой Индии привело А.П. Колонтаева к принципиальному заключению: асинхронность эволюции – это «не абсолютная разобщенность различных подразделений экономики, а отсутствие развитых обратных связей между ними» [Колонтаев, 1988, с. 27]. По большому социально-философскому счету Индия, несмотря на впечатляющие достижения этой страны после завоевания суверенитета, пока не преодолела переходный период своего развития. Политэкономическое содержание переходности – в сохраняющемся дуализме национальной хозяйственной системы, в непреодоленной рассогласованности логик эволюции города и деревни. Сельская экономика далеко не всегда готова абсорбировать современные индустриальные формы производства, работа с которыми требует основательной интеллектуальной и профессиональной подготовки производительных сил, т.е. наличного человеческого капитала, понимаемого как совокупность знаний и умений индивида, сопряженных со способностью реализовать наличный потенциал в практике экономической деятельности. В свою очередь недостаточная поглощающая способность «традиционного», т.е. до- и раннеиндустриального, сегмента индийской экономики в конечном счете сказывается на общих темпах промышленного роста, динамике накоплений,

утверждении современных форм занятости, наконец.

Дуализм в построении доиндустриальной экономики, доказывал А.П. Колонтаев, возник задолго до британской имперской политики в Индии. А отношения метрополия – колония усугубили дезинтеграционные тенденции в развитии народного хозяйства. Более того, прочность традиционной системы разделения труда, развитость внутренних связей в аграрном секторе сдерживают темпы перехода к индустриальному типу воспроизводства и по-своему поддерживают дисбалансы социально-экономического развития страны. Данные дисбалансы и диспаритеты развития поддерживаются и воспроизводятся также и несоразмерностью (деревня – город) социально-демографических процессов в Индии.

Историческая победа индустриального способа производства и на Западе, и на Востоке изначально связана с трансформацией докапиталистических производственных отношений. В Индии, пишет А.П. Колонтаев, «не было, да и не могло быть, этапа внутренних (курсив мой. – А. В.) взрывов против своей системы традиционных социально-экономических отношений». Иначе говоря, «в Индии не был открыт простор для развития производительных сил в том масштабе и в той степени, которых требует капиталистический способ производства» [Колонтаев, 1988, с. 49–50]. Победе над социально-экономическим дуализмом и утверждению капиталистической жизненной парадигмы индийского общества препятствует сохранение кастового строя, особенно в сельской местности, который мешает складыванию единого рынка рабочей силы в стране. Несложно заметить «историческую» переключку и взаимное дополнение исследовательских парадигм В.И. Павлова и А.П. Колонтаева. По-свое-

ему показательна поддержка идеям реалистической оценки уровня зрелости индустриального способа производства в Индии экономико-географами. Так, выдающийся индолог Г.В. Сдасюк в середине 1970-х годов отмечала: процесс концентрации промышленности и других сфер и факторов современной жизнедеятельности человека усиливается вследствие того, что «города имеют слабые производственные функции: промышленное развитие укрепляет экономическую основу их существования, происходит как бы “индустриализация урбанизации” ... Даже наиболее развитые промышленные районы страны, тяготеющие к главным морским портам, находятся в стадии активного формирования – подведения тяжелоиндустриальной базы под существующие отрасли легкой промышленности» [Сдасюк, 1975, с. 177–178].

В начале 1980-х годов увидела свет своеобразная диалогия, комплексное исследование (в двух томах), посвященное общей характеристике и отраслевому строению индийской экономики. (Попутно замечу: с аналогичными работами *стереоскопического* характера по советской экономике сталкиваться не приходилось.) Руководитель авторского коллектива Г.К. Широков тогда обращал внимание на унаследованные от прошлого особенности индийского народного хозяйства: ограниченную поглощающую способность индустриально-капиталистических укладов; недостаточную для форсированного экономического роста межотраслевую интеграцию; территориальную разорванность цикла воспроизводства; поляризованный характер воспроизводственного процесса; гипертрофию сферы обращения и «традиционных» (до- и раннеиндустриальных) услуг; широкое распространение *докапиталистического* найма в сельском хозяйстве и проч. На основе вышеприведенных обобщений видный индолог и главный специалист по пробле-

мам промышленной революции на Востоке [Широков, 1981] делал вывод об экзистенциальной необходимости «деятельности государства по преодолению дезинтеграции» в ее различных ипостасях [Экономика Индии: общая характеристика, 1980, с. 5–16].

Насколько идеи отечественных индологов были «конвертируемы» в мировом академическом пространстве? Свой ответ дал один из крупнейших экономистов современности, почти ровесник Г.К. Широкова, Пранаб Бардхан: «Внутренне неоднородное общество, изрешеченное социально-экономическим неравенством и непрекращающимися конфликтами, затрудняет коллективные действия по организации долговременной стратегии общественных перемен и воздвигает популистские преграды долгосрочным инвестиционным программам и реформам как таковым... В Индии институты демократии и самоуправления на низовом уровне все еще недостаточно развиты: регулярные выборы в дистриктах и округах не сопровождаются утверждением ответственности органов власти перед народом...» [Bardhan, 2010, р. 126]. Несколько раньше тезис о «гетерогенной социально-экономической структуре» как о препятствии построению *межпартийного* согласия относительно стратегических целей развития Индии выдвинул еще один крупный мастер экономического анализа – Балдев Радж Найяр [Nayar, 2005, р. 238]. Иными словами, работы советских индологов-экономистов находились в одном ряду с исследованиями зарубежных ученых, пытавшихся также ответить на несколько фундаментальных вопросов развития «крупнейшей демократии мира», центральным среди которых был следующий: а нет ли в самой социально-экономической структуре Индии неких *имманентных* механизмов, осложняющих преобразо-

вание ее дуалистической природы даже при наличии инструментов современного экономического роста?

В Институте востоковедения АН СССР над решением этой и смежных проблем трудились коллеги Г.К. Широкова: О.В. Маляров, А.Е. Грановский, А.М. Горячева, И.И. Егоров, Е.И. Миронина, А.Л. Баталов, М.Н. Стасов, И.А. Седов, Л.К. Орлеанская, Э.Д. Рябинина, В.Г. Растянный, В.А. Яшкин. Не оставляли своим вниманием «родную» Индию Л.И. Рейснер и А.И. Левковский. Тесно сотрудничал с индологами ИВ АН СССР М.Н. Кунычиков (ИМЭМО АН СССР), занимавшийся темой «монополии и политика». На этом пространстве возникла своеобразная межинститутская «связка» О.В. Маляров – М.Н. Кунычиков. Заседания в секторе экономики нередко посещали С.Н. Каменев, А.И. Динкевич и другие экономисты, живо интересовавшиеся сравнительными исследованиями восточных обществ. На интеллектуальные «посиделки» (Э.Н. Комаров) приходила и однокурсница Глория Кузьмича, Елена Аркадьевна Брагина, отстаивавшая «особость» индийской «статии» в ИМЭМО АН СССР. Впоследствии автору посчастливилось подготовить совместную с Е.А. Брагиной работу, посвященную жизнеспособности экономики и синергии политики Индии [Брагина, Володин, 2010]. Регулярно внешним оппонентом наших экономических работ выступал А.И. Медовой, один из наиболее опытных востоковедов МГИМО. Г.К. Широков и его коллеги тесно сотрудничали с группой индологов, глубоко и тщательно изучавших внешнеэкономические связи «крупнейшей демократии мира» во Всесоюзном научно-исследовательском конъюнктурном институте МВТ СССР. Желанными гостями в Институте востоковедения всегда были Ф.А. Тринич, Э.А. Грязнов, Б.И. Лебедев, И.Ф. Волкова.

Мнение экономистов-индологов было всегда интересно академической общественности «крупнейшей демократии мира», а премьер-министр (2004–2014) д-р Манмохан Сингх без обиняков сказал автору этих строк в сентябре 2015 г.: «Широков и Котовский – великие личности, сблизившие Индию и Россию». Слышать подобные оценки от «экономного» на похвалу выдающегося экономиста-практика было и необычно, и приятно.

Организационно отдел Индии и Южной Азии состоял из двух секторов: экономики и истории и политики. С 1971 г. отделом заведовал Г.Г. Котовский, а секторами руководили Г.К. Широков (одновременно зам. директора института) и Э.Н. Комаров. Э.Н. Комаров начинал научную деятельность как специалист по генезису капитализма в Индии (под «наблюдением» Игоря Михайловича Рейснера), а затем, в порядке «производственной необходимости», был «переброшен» на исследование современной индийской политики вместе с Александром Ивановичем Чичеровым. Э.Н. Комаров выразительно описывает время начала своих политических «штудий»: «Изучение социально-политического развития Индии стало налаживаться со второй половины 1960-х годов. Намечалась определенная специализация... Наблюдать за политическим развитием в Индии оказывалось делом увлекательным. Видишь живую, подвижную и нередко драматичную картину. ... Возникало напряженное ожидание результата как в эксперименте из естественных наук, и не хотелось отрываться» [Комаров, 1998, с. 89]. Параллельно изучалась внешняя политика и международные отношения, сдвиги в расстановке сил в регионе Южной Азии и в мире (Ю.П. Носенко, С.И. Лунев, Т.Л. Шаумян). Исследовались программные установки основных политических партий (Т.Ф. Девят-

кина, А.И. Чичеров), характер политического процесса и его особенности в сравнении с Западом (Э.Н. Комаров, А.Г. Володин, М.А. Плешова). Влияние этнонациональных отношений на политическую «парадигму» Индии освещалось в трудах А.А. Прузаускаса и Г.М. Григорьевой. Становление современного государственного аппарата и его функционирование анализировалось в сочинениях В.Н. Егорова (Флорина). Эволюция социально-классовой структуры Индии, включая ее кастовую составляющую, рассматривалась в работах Г.Г. Котовского, Н.Н. Сосиной (ИНИОН АН СССР), Е.С. Юрловой, а также историка-медиевиста Л.Б. Алаева. Во многих аспектах необычным и новаторским, по крайней мере неспециалистам, представлялись усилия Р.Б. Рыбакова и тесно сотрудничавшей с отделом Индии и Южной Азии А.А. Ткачевой в постижении сложной и противоречивой реформации индуизма и новейших ведантистских течений. Этот далеко не полный перечень научных направлений свидетельствует о том, что советская индология не только действенно обслуживала «директивные инстанции», что является нормой в любой уважающей себя стране, но и была в состоянии удовлетворять постоянно растущие запросы нашего народа в многопрофильной информации о «крупнейшей демократии мира», ее внутреннем развитии и международной политике. Целесообразно напомнить, что магазины системы «Академкнига» работали в режиме реального рынка и книги по востоковедению не залеживались на прилавке. Иначе говоря, советские индологи «даровой» хлеб не ели и всячески стремились вывести любезную науку на новый, более высокий уровень развития и равновесия. Наконец, индология вносила существенный вклад в понимание *общей* эволюции восточных обществ.

Самостоятельным направлением советской индологии были инвентаризация и оценка достоинств индийской и западной литературы по проблемам общественного развития этой страны. Для экономистов в конце 1970-х – начале 1980-х годов значимыми стали публикации Ф. Френкел [Frankel, 1978], П.Ш. Джха [Jha, 1980], А. Сена [Sen, 1982], Л. Вейта [Veit, 1976] и других авторов. Историки и специалисты по социально-политическому развитию внимательно изучали сочинения Э. Эмбри [Embree, 1981], О.П. Гойяла [Goyal, 1979], С. Кочанека [Kochanek, 1974], Р. Котхари [Kothari, 1976], Н. Прасада [Prasad, 1980], Д. Розенталя [Rosenthal, 1977] и других маститых аналитиков. Можно сказать, что к началу 1980-х годов инвентаризация основных концептуальных построений в сфере зарубежной индологической политологии состоялась [Володин, 1983].

Современная российская индология: что впереди?

Общеизвестно: всякая система (не только крупная или сверхкрупная, но и менее масштабная) движется в будущее, сопрягая в своей эволюции начала *преемственности* и *изменений*. Современная Индия – яркое тому подтверждение. Диспаритеты развития в «крупнейшей демократии мира» не сопоставимы с противоречиями общественных процессов у других социумов, скажем, нашего или американского. И тем не менее это сложно организованное общество продолжает жить, своей деятельностью реализуя «индийский интеграционный проект» (А.В. Кортунов). Неудивительно поэтому, что нам, работавшим в Институте востоковедения, индийская «парадигма развития» изначально представлялась некой эталонной стратегией жизнеобеспечения, несмотря на сопровождавшие ее порою

вопиющие социальные и имущественные диспропорции. К тому же и сама индоведческая наука (не ограниченная, разумеется, комнатами и коридорами Института востоковедения) развивалась по тому же проверенному опытом алгоритму. В институте все шло своим чередом. Г.Г. Котовский (зав. отделом Индии и Южной Азии с 1971 г.) готовился уступить бразды правления Александру Евгеньевичу Грановскому, деятельному участнику творческой «бригады Широкова», к тому времени подготовившему индивидуальную монографию, рассматривавшуюся в качестве неотвратимой докторской диссертации [Грановский, 1985]. (Правда, вечно недовольный Глорий Кузьмич ворчал: «Ты должен показать всем, для чего написана эта работа». Таков был профессиональный уровень отношений между индологами, да и в институте в целом.) Хотя сама диссертация, защищенная в 1988 г., уже при новых обстоятельствах имела более широкий, обобщенный замысел.

Между тем положение в нашей стране в начале 1980-х годов становилось все более неопределенным. Акцент на «стабильности», ставший альфой и омегой политики Л.И. Брежнева и его соратников, постепенно трансформировался в отсутствие *необходимых* общественных изменений, что угрожало существованию нашей страны как *субъекта* международных отношений. (До конца не могу уяснить причины положительного отношения народа к этому политику, чье откровенное бездействие в условиях нарастающих как снежный ком проблем фактически проложило дорогу к последующим хаотическим «преобразованиям», в официальном дискурсе второй половины 1980-х годов именовавшимся перестройкой. Возможно, мы имеем дело с несформированностью системы *причинно-следственных связей* в нашем сознании, с отсутствием критического склада ума, позволяющего со здоро-

вым скепсисом воспринимать окружающие нас явления и процессы, включая деятельность институтов государства.) С начала 1980-х годов наше доверительное общение с индийскими коллегами и друзьями непременно сопровождалось сакраментальным вопросом с их стороны: «А как дальше жить собирается?» Понять наших индийских собеседников было несложно. С одной стороны, их отношение к Советскому Союзу было глубоко положительным. С другой стороны, благодаря СССР Индия качественно повысила свой геополитический статус, став почти «великой державой»; терять завоеванное не входило в планы официального Дели, который понимал «экзистенциальное» значение *стратегического союза* с Москвой. Иными словами, индийцы были искренне заинтересованы, учитывая свои сложные отношения с «великим северным соседом», в сохранении Советским Союзом положения стабилизирующей силы в мировой политике. Поддержание нашей страной статуса сверхдержавы в свою очередь требовало решительной и *осмысленной* модернизации всей системы экономических и политических институтов советского типа. Своими тревожными суждениями индийские исследователи, приезжавшие в СССР в рамках программы научных обменов, делились и с нашими коллегами из других учреждений АН СССР: ИНИОН, Института экономики, Института государства и права и проч. Было ясно, что наши тревоги о судьбе страны имели под собой серьезные основания. Беспокойство относительно будущего только усиливалось под воздействием «калейдоскопической» смены руководителей КПСС в 1982–1985 гг.

Апрельский пленум ЦК КПСС 1985 г. в индологическом сообществе, мягко говоря, не вызвал восторга. И дело было отнюдь не в «имманентном» консерватизме нашей академической среды. Мы, по опыту профессиональной деятельности по-

нимавшие значение логически и институционально выверенных экономических и политических реформ, ожидали большей *конкретности* от руководства правящей партии. Выдающийся востоковед Роберт Григорьевич Ланда (1931–2021) четко очертил для общества пределы ожидаемого и возможного в историческом процессе: «История никогда не развивается по готовым формулам и не руководствуется наилучшими принципами. Она такова, каковы люди, ее делающие» [Ланда, 2018, с. 77]. Под фразой, произнесенной по поводу содержания деятельности египетского лидера Г.А. Насера, мог бы подписаться любой индолог. Свообразным «комментарием» к суждению Р.Г. Ланды можно считать мнение нашего видного этнолога, эрудита и «молчуна» (разумеется, по сравнению с «начальством»), яркого «отпрыска» классической ленинградской школы индологии в Первопрестольной Альгимантаса Аугустиновича Прусаускаса [Прусаускас, 1990], вернувшегося из длительной командировки в Индию, который с досадой произнес: «Горбачёв – это Хрущёв, только с высшим образованием». Столь необычная характеристика впоследствии неотступно преследовала автора данной статьи в течение шести лет, еще отпущенных историей Советскому Союзу. Постановка М.С. Горбачёва в один типологический ряд с «экзотическим» Н.С. Хрущёвым была, как оказалось, не просто колкой импровизацией. Ждать подтверждения правильности оценки опытного индолога пришлось недолго.

Весной-летом 1986 г. до нас начали доходить слухи о желании «директивных инстанций» создать в Институте востоковедения особое подразделение – центр индийских исследований. Событие без преувеличения неслыханное. Даже во времена брежневского застоя ЦК КПСС при планировании политики в области науки целиком полагался на знания и опыт АН СССР и воз-

держивался от волюнтаристских решений в отношении внутренней жизни ее институтов. Взаимодействие руководящих органов партии – государства и академии подробно описано в литературе [Виноградов, 2005]. В Институте востоковедения «судьбоносное» решение встретили с понятной озабоченностью. Логика осторожности опиралась и на возможные политические неприятности: 1) что теперь делать специалистам по «малым» странам Южной Азии (например, Бангладеш), которые изначально рассматривались как члены большого индологического коллектива? 2) как логически объяснить сию «инициативу» дипломатическим представителям этих далеко не «малых» даже по азиатским масштабам государств, которые традиционно относились с настороженностью и недоверием к сверхкрупной Индии? Невольно возникала малоприятная историческая аллюзия с замыслом «института индийских языков», в свое время будоражившим вечно беспокойный разум Н.С. Хрущёва.

В институте спонтанно возникло подозрение о желании партийных инстанций трудоустроить некоторых «нужных и проверенных» людей. Подобные устремления М.С. Горбачёва и его единомышленников по перестройке находились в вопиющем противоречии с принципами организации науки в стране, с политикой самой КПСС в Азии, со здравым смыслом, наконец. (Кадровая политика руководства партии и государства, ее влияние на *деконструкцию* советского общества и самоликвидацию СССР довольно полно освещены в литературе (см., например: [Громыко, 2009]). Очередная «импровизация» на тему перестройки, как и ожидалось, закончилась фиаско: начался массовый исход ведущих исследователей из бывшего отдела Индии и Южной Азии. Ин-

дология, таким образом, оказалась в положении пассажиров небезызвестного «Титаника». Последствия этой «деконструкции» ощущаются и по сей день. «Реорганизация» индологии по-своему высветила основную проблему «перестройки», т.е. отсутствие вразумительного *целесолагания*. В самом деле, центральная проблема развития нашего общества состояла в том, что отсутствие *ясных* представлений о будущем страны и средствах достижения поставленной цели имело следствием «идейное бездрожье» (М.Е. Салтыков-Щедрин) в экономике и политике и, в кульминационной точке, самоликвидацию советского государства. Данное обстоятельство заслуживает специального рассмотрения в год 30-летия распада СССР. Поэтому экскурс в историю советско-индийских отношений неизбежен.

В позднесоветский период (со второй половины 1980-х годов) позиции Советского Союза в мире начинают заметно ослабевать. Сказывается и замедление темпов экономического роста в СССР, и растущая геополитическая дезориентация государственно-политического руководства страны, так и не сформулировавшего четкую, непротиворечивую и понятную народу стратегию экономического развития и действий в международной среде. При внешне благополучном «фасаде» наших отношений двусторонние связи постепенно утрачивают динамизм и вступают в полосу стагнации. Неслучайно индийские партнеры все меньше понимают логику советской внешней политики. Особую озабоченность у индийских «стратегических элит» (личные беседы с близкими к власти проф. Р. Кумаром, П.Н. Хаксаром, М.Л. Фотедаром в 1989–1991 гг.) вызывало ослабление экономических и политических институтов в нашей стране и возможная дезинтеграция СССР. Вероятно, именно в этот период начался поиск

правлящими кругами Индии *альтернативных моделей* интеграции этой страны в быстро меняющуюся конфигурацию мирового пространства. По логике вещей создавалась идеальная ситуация для индологии, т.е. возможность хоть как-то упорядочить хаотически развивавшуюся советскую «восточную» политику, предложить власти концепцию экономических реформ на основе критического учета индийского опыта. Однако недавние системные нарушения в развитии индологической науки (фактическое прекращение функционирования *среды общения*, т.е. повседневных жизненно необходимых связей между участниками исследовательского процесса) не позволили защищать накопленные знания на попроще практической политики.

Жизнеспособность советской индологии, как уже говорилось, напрямую зависела от плотности связей *университет – академия*. На этом «поле» также возникли серьезные проблемы. Покинула Московский университет Людмила Васильевна Шапошникова, полностью посвятив себя «делу всей жизни» – наследию Рерихов. (Л.В. Шапошникова была человеком исключительной цельности, порядочности, справедливости, бескомпромиссно реагировала на нарушение сложившихся в индологии этических принципов и правил, в чем автор статьи в бытность аспирантом Л.В. имел возможность убедиться, и не раз.) Оставили кафедру истории стран Южной Азии наши учителя. Сказывалось напряжение «позднесоветской» жизни. Ретроспективно можно утверждать: в советское время уровень преподавания Индии и Востока в целом в МГУ превосходил мировой. Об этом автору откровенно поведал известный английский экономико-географ, индолог Роберт Брэднок (Рио-де-Жанейро, январь 1996 г.), в то время работавший в прославленной Школе восточных и африканских иссле-

дований. Поучительная и назидательная констатация. Действительно, в тогдашнем Московском университете Индия «преподносилась» системно, как часть всемирного исторического развития. *Классическое* образование органически сопрягалось с ярким и естественным артистизмом наших преподавателей, безраздельно владевших вниманием слушателей. Тончайшая, почти неосязаемая «гоголевская» ирония по отношению к Индии и родной стране Г.Г. Котовского, «живой», насыщенный яркими образами, «нетипичными» героями и необычными событиями Индостан в исполнении Клары Зармайровны Ашрафян, картина сложного и вечно пульсирующего исторического процесса на субконтиненте размашистыми «мазками» от Л.В. Шапошниковой, пространственные экскурсии в историю Европы и Америки (*компаративистика*, как нынче выражаются политологи) в лекциях В.И. Павлова – все это стало несмыслимой частью нашей исторической памяти. Ясно, что даже приблизиться к этому эталону смысла и качества теперь нельзя. Ведь одного старания, понятно, недостаточно. Однако новая жизнь и изменившаяся Индия требуют невозможного, чтобы добиться возможного. Соответствует ли наш уровень стандартам, задаваемым нынешними беспощадными условиями и «категорическими императивами» мировой политики? На этот вопрос ответит ближайшее будущее.

Распад *среды* общения у индологов, конечно, не означал прекращения кооперационных связей на индивидуальной основе. Давние отношения поддерживались и укреплялись. Всегда радостно и познавательно было встречаться с Л.Р. Гордон-Полонской, К.З. Ашрафян (несравненным «первым учителем»), О.В. Маляровым («единомышленником», как О.В. называл автора данной статьи), М.Т. Степанянц, С.И. Луневым, С.Д. Серебряным, О.В. Мезенце-

вой, М.А. Плешовой и другими дорогими и уважаемыми коллегами. Жизнь продолжалась, несмотря на все превратности судьбы. Однако рефлексия по поводу «деконструкции» советской индологии оказалась полезной и поучительной с теоретико-методологической точки зрения.

Кризис отечественной индологии – явление известное. Столь же очевиден и его «рукотворный» характер. Строго говоря, это дела давно минувших дней. Автор обратил внимание на это явление, руководствуясь сугубо академическими побуждениями и стремлением к *исторической правде и справедливости*. Представляется, что кризис индологии сфокусировал в себе «узловые» проблемы позднесоветского общества, и, взаимно усиливая друг друга, деструктивные явления и процессы в «верхах» и «низах» в конечном счете предопределили распад государства СССР. Обличительные дискуссии перестроечного периода, говоря без иносказательных оборотов речи, давали мало пищи для содержательных размышлений и осмысленных действий. По сути дела, тогда общество не осознало, что для движения нашей страны вперед необходима не *смена элит*, но *смена экзистенциальных парадигм*, т.е. моделей *целеполагания* и организации общества, выхода за пределы привычной политической дихотомии *социализм – капитализм*, уже в конце 1980-х годов выглядевшей исчерпанной и обветшалой. Поиски ученым сообществом «нового строя» (Г.К. Широков), «капитализма с человеческим лицом» (А. Калецки), «идеологии рационального управления обществом» (Д. Падгаонкар) и т.п. отражали напряженную работу научного сознания над проектами совершенного социального устройства. Государственный деятель и политический мыслитель Эгон Бар (начало ноября 1995 г., Бонн) исчерпывающе определил пара-

метры соотношения политики и ее интеллектуального наполнения: «Обществами управляют *идеи*, тогда как политики – не более чем их искусные или неумелые исполнители». Историческая трагедия нашей страны заключалась в том, что отсутствие оригинальных идей в «верхах» соединилось с дезориентацией массовых слоев в «низах». Закономерным итогом подобной модели эволюции стала *деконструкция* советского общества. Те же оценки мы слышали из уст наших индийских коллег, тем самым подтверждавших свою способность к проблемному и концептуальному видению общественных процессов.

Время неумолимо. «Наше поколение уходит, – писал в своей книге воспоминаний Р.Г. Ланда, представлявший блистательную плеяду отечественных востоковедов, к которой принадлежали В.И. Павлов, Г.Г. Котовский, Э.Н. Комаров, Г.К. Широков, Л.И. Рейснер и другие «лучезарные» индологи, наши учителя и наставники. – Вместе с ним канут в Лету наши радости, горести, успехи, неудачи, сопровождавшие их драмы и фарсы. Они исчезнут безвозвратно. Это естественно и, в определенном смысле, неизбежно. Но хотелось бы, чтобы наш опыт, часто спорный, часто противоречивый, часто трагический, не был бы предан забвению полностью. Конечно, я имею в виду в первую очередь востоковедение. Но как его оторвать от всей остальной нашей жизни? Как мне кажется, у нынешней молодежи либо отсутствует о нашей жизни в XX в. вообще какое-либо представление, либо оно не полно (что понятно), не точно (к сожалению) и часто превратно (что недопустимо). Я не собираюсь быть адвокатом своего поколения. Оно мне не давало полномочий на это. Но вряд ли стоит забывать, что любая наука, как и искусство и вообще культура, живы не только новациями, но и традициями. И без

вторых не было бы первых» [Ланда, 2018, с. 7]. Кризис российского общества, что ныне признается с самых высоких трибун, имеет *системный*, т.е. всеохватывающий, характер. Видимо, обновление нашей страны должно начинаться с низового уровня, *grassroots*, как любят говорить индийцы. Модернизация индологии, органической части отечественных общественных наук, должна опираться на опыт, накопленный нашими выдающимися предшественниками. Лишь такая траектория возрождения может быть реалистичной, ибо, если слегка «подредактировать» мысль Р.Г. Ланды, у «великих потомков» могут быть только «великие предки».

Список литературы

- Брагина Е.А., Володин А.Г. (2010). Индия: витальность экономики и синергия политики // Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса. М.: ИМЭМО РАН. С. 104–128.
- Виноградов В.А. (2005). Мой XX век. Воспоминания. М.: Наука.
- Володин А.Г. (1983). Современные концепции политического развития Индии. М.: ИНИОН.
- Володин А.Г. (2020). Россия: общество «позднего старта» в водовороте мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 11. С. 42–52. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-42-52
- Володин А., Широков Г. (2004). Цейтнот. Национальная безопасность как проблема модернизации общества // Политический журнал. № 41(44). С. 2–5.
- Грановский А.Е. (1985). Накопление и экономический рост в Индии. М.: Наука.
- Громько Анаст.А. (2009). Андрей Громько. Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына. М.: Научная книга.

Девяткина Т.Ф. (1970). Индийский национальный конгресс (1947–1964). М.: Наука.

Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. (1979). Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука.

Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока. Том 1 (1980). М.: Наука.

Колонтаев А.П. (1975). Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Особенности эволюции. М.: Наука.

Колонтаев А.П. (1988). Проблема занятости в развивающейся экономике. Опыт независимой Индии. М.: Наука.

Комаров Э.Н. (1998). В России и в Индии. Из воспоминаний и наблюдений индолога. М.: Восточная литература.

Котовский Г.Г. (1959). Аграрные реформы в Индии. М.: ИВЛ.

Кузнецова С.И. (1972). Социальная структура африканского города. М.: Наука.

Ланда Р.Г. (2018). Нескончаем век минувший: воспоминания. М.: Институт востоковедения РАН.

Левковский А.И. (1963). Особенности развития капитализма в Индии. М.: ИВЛ.

Маляров О.В. (1984). Государство и частный сектор экономики Индии. М.: Наука.

Павлов В.И. (1973). Социально-экономическая структура промышленности Индии. Исторические предпосылки генезиса капитализма (конец XVIII – середина XIX в.). М.: Наука.

Празаускас А.А. (1990). Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: Наука.

Растянный В.Г. (1973). Аграрная эволюция в многоукладном обществе: опыт независимой Индии. М.: Наука.

Рейснер Л.И., Широков Г.К. (1966). Современная индийская буржуазия. М.: ИВЛ.

Рейснер Л.И., Широков Г.К. (1969). Планирование в Индии. М.: ИВЛ.

Сдасюк Г.В. (1975). Индия. География хозяйства. М.: Мысль.

Широков Г.К. (1981). Промышленная революция в странах Востока. М.: Наука.

Экономика Индии: общая характеристика (1980). М.: Наука.

Экономика Индии: отраслевой анализ (1980). М.: Наука.

Bardhan P. (2010). *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India*, Princeton-Oxford: Princeton University Press.

Embree A.T. (1981). *India's Search for National Identity*, New Delhi: Chanakya Publishers.

Frankel F.R. (1978). *India's Political Economy, 1947–1977: The Gradual Revolution*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Goyal O.P. (1979). *India: Government and Politics*, New Delhi: Light and Life.

Jha P.S. (1980). *India: A Political Economy of Stagnation*, Bombay: Oxford University Press.

Kochanek S.A. (1974). *Business and Politics in India*, Berkeley: University of California Press.

Kothari R. (1976). *Democratic Polity and Social Change in India: Crisis and Opportunities*, Bombay: Allied publishers.

Nayar B.R. (2005). *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*, New Delhi: Oxford University Press.

Prasad N. (1980). *Ideology and Organization in Indian Politics: A Study of Political Parties at the Grassroots*, New Delhi: Allied Publishers.

Rosenthal D.B. (1977). *The Expansive Elite*, Berkeley: University of California Press.

Sen A. (1982). *The State, Industrialization and Class Formations in India: A Neo-marxist Perspective on Colonialism, Underdevelopment and Development*, London: Routledge and Kegan Paul.

Veit L.A. (1976). *India's Second Revolution: The Dimensions of Development*, New York: McGraw-Hill.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-6

Indian Studies in Soviet Social Studies

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23,
Moscow, Russian Federation
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2021). Indian Studies in Soviet Social Studies. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 6, pp. 117–138 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-6

Received: 24.08.2021.

ABSTRACT. *The article is focused on the evolution of Soviet Indian studies in the course of the 1970s and 1980s, i.e. the period of the discipline's indisputable academic upsurge. The present author maintains that factors instrumental of Indian studies' ascendant development were many; among the latter foreign policy imperatives as well as high quality intellectual talent available are distinguished to explain the advancement of this area of social science research to the status of socially significant professional activities. Socio-economic, history and political studies are taken to demonstrate the academic accomplishments of Soviet scholars who exploited their own "wisdom" to comprehend India's complex social reality and, also, utilized critical assessment of the existent social science research paradigms circulating in Indian scholarship. The "crisis" of Indian studies dating back to the late 1980s is discussed in basic aspects. The social and political origins of the "crisis" are being highlighted. The evolution of Soviet Indian studies during the late 1980s is investigated at the backdrop of socio-political development in the years preceding the USSR's dismemberment. Tentative factors instrumental of the eventual "comeback"*

of Indian studies as an academic discipline of high societal stature are estimated.

KEYWORDS: *Indian studies, social sciences in the USSR, science and societal modernization, Institute for Asian and African studies (Moscow State University), Institute of Oriental studies (USSR Academy of Sciences), Indian studies before the October revolution, Soviet-Indian relations, India's political economy, political democracy in India.*

References

- Bardhan P. (2010). *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India*, Princeton-Oxford: Princeton University Press.
- Bragina E.A., Volodin A.G. (2010). India: The Vitality of the Economy and the Synergy of Politics. *Pacific Asia: Economic and Political Consequences of the Global Financial Crisis*, Moscow: IMEMO RAS, pp. 104–128 (in Russian).
- Devyatkina T.F. (1970). *Indian National Congress (1947–1964)*, Moscow: Nauka (in Russian).

Embree A.T. (1981). *India's Search for National Identity*, New Delhi: Chanakya Publishers.

Frankel F.R. (1978). *India's Political Economy, 1947–1977: The Gradual Revolution*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Goyal O.P. (1979). *India: Government and Politics*, New Delhi: Light and Life.

Granovsky A.E. (1985). *Accumulation and Economic Growth in India*, Moscow: Nauka (in Russian).

Gromyko Anat. A. (2009). *Andrey Gromyko. The Flight of His Arrow. Memoirs and Reflections of the Son*, Moscow: Scientific book (in Russian).

Jha P.S. (1980). *India: A Political Economy of Stagnation*, Bombay: Oxford University Press.

Kochanek S.A. (1974). *Business and Politics in India*, Berkeley: University of California Press.

Kolontaev A.P. (1975). *The Lowest Forms of Production in the Countries of South and Southeast Asia. Features of Evolution*, Moscow: Nauka (in Russian).

Kolontaev A.P. (1988). *The Problem of Employment in a Developing Economy. The Experience of Independent India*, Moscow: Science (in Russian).

Komarov E.N. (1998). *In Russia and in India. From the Memoirs and Observations of an Indologist*, Moscow: Oriental Literature (in Russian).

Kothari R. (1976). *Democratic Polity and Social Change in India: Crisis and Opportunities*, Bombay: Allied publishers.

Kotovskiy G.G. (1959). *Agrarian Reforms in India*, Moscow: IVL (in Russian).

Kuznetsova S.I. (1972). *The Social Structure of an African City*, Moscow: Nauka (in Russian).

Landa R.G. (2018). *We Are Never Ending the Past Century: Memoirs*, Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Levkovsky A.I. (1963). *Features of the Development of Capitalism in India*, Moscow: IVL (in Russian).

Malyarov O.V. (1984). *The State and the Private Sector of the Indian Economy*, Moscow: Nauka (in Russian).

Nayar B.R. (2005). *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*, New Delhi: Oxford University Press.

Pavlov V.I. (1973). *Socio-economic Structure of India's Industry. Historical Background of the Genesis of Capitalism (Late XVIII – Mid XIX Century)*, Moscow: Nauka (in Russian).

Prasad N. (1980). *Ideology and Organization in Indian Politics: A Study of Political Parties at the Grassroots*, New Delhi: Allied Publishers.

Prazauskas A.A. (1990). *Ethnos, Politics and the State in Modern India*, Moscow: Nauka (in Russian).

Rastyannikov V.G. (1973). *Agrarian Evolution in a Multi-structured Society: Experience of Independent India*, Moscow: Nauka (in Russian).

Reisner L.I., Shirokov G.K. (1966). *Modern Indian Bourgeoisie*, Moscow: IVL (in Russian).

Reisner L.I., Shirokov G.K. (1969). *Planning in India*, Moscow: IVL (in Russian).

Rosenthal D.B. (1977). *The Expansive Elite*, Berkeley: University of California Press.

Sdasyuk G.V. (1975). *India. Geography of the Economy*, Moscow: Thought (in Russian).

Sen A. (1982). *The State, Industrialization and Class Formations in India: A Neo-marxist Perspective on Colonialism, Underdevelopment and Development*, London: Routledge and Kegan Paul.

Shirokov G.K. (1981). *The Industrial Revolution in the Countries of the East*, Moscow: Nauka (in Russian).

The Economy of India: General Characteristics (1980), Moscow: Nauka (in Russian).

The Economy of India: Industry Analysis (1980), Moscow: Nauka (in Russian).

The Foreign East and Modernity. The Main Problems and Trends in the Development of the Countries of the Foreign East. Volume 1 (1980), Moscow: Nauka (in Russian).

Veit L.A. (1976). *India's Second Revolution: The Dimensions of Development*, New York: McGraw-Hill.

Vinogradov V.A. (2005). *My Twentieth Century. Memoirs*, Moscow: Science (in Russian).

Volodin A.G. (1983). *Modern Concepts of Political Development of India*, Moscow: INION (in Russian).

Volodin A.G. (2020). Russia: A “Late Start” Society in the Maelstrom of World Politics. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 11, pp. 42–52 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-42-52

Volodin A., Shirokov G. (2004). Time Pressure. National Security as a Problem of Modernization of Society. *Political Journal*, no 41(44), pp. 2–5 (in Russian).

Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. (1979). *Theoretical Problems of the World-historical Process*, Moscow: Nauka (in Russian).